

ЛЮДИ НАУКИ

В. И. Финнова

ЭМДЕР: В ЗОНЕ ОТКРЫТИЯ

Абитуриентов, поступавших на исторический факультет, строго предупреждали: «Мы здесь готовим не археологов, а учителей», давая тем самым понять, что откопать вторую Трою им определенно не светит. Но однокурсники Алексей Зыков из Первоуральска и свердловчанин Сергей Кокшаров еще в школе увлекались археологией, а к моменту окончания УрГУ уже не мыслили себя в другой сфере. И обоим повезло – их оставили в университете на кафедре истории советского периода, при которой имелаась археологическая лаборатория.

Не прошло и двадцати лет, как они откопали свою Трою. Правда, находилась она далековато от Малой Азии, в северной Сибири, и называлась «Эмдер». В остальном все очень похоже: Генрих Шлиман внимательно прочел Гомера, Зыков с Кокшаровым – хантыйскую легенду.

Вот как это было.

...Инженер-геофизик Виктор Долганов шел на день рождения. В кармане лежал подарок – несколько керамических черепков: таежные находки. Экзотика. Проходя мимо главного здания университета, внезапно остановился: а что, если зайти к археологам? Показать черепки, может, заинтересуются. Он никогда не забудет, как у людей, которые его встретили, загорелись глаза. Как раскинули на большом столе географическую карту: «Где?». Долганов указал на район реки Ендырь.

...В тот раз заночевал в тайге. С утра двинулся обратно, – до обследуемого района бурения будущей нефтяной скважины оставалось километров десять, когда присел отдохнуть и перекурить. Привычно залюбовался тайгой. Низкое закатное солнце преобразило и без того величавые разреженные деревья парковой зоны. Порозовела беломшанная грива. Сколько уж лет работает в таежных краях, пора бы и привыкнуть, но привыкнуть к этому невозможно, и он остро чувствует непередаваемую ауру одухотворенного безмолвия Природы.

© В. И. Финнова, 2001

Бугор белого и мягкого сухого мха, на котором сидел, расходился в стороны, образуя кольцо. Странно. Тайге такое несвойственно, по крайней мере, он подобного еще не встречал. Чья-то работа? Но чья? В голове мелькали обрывки каких-то мыслей, а рука сама собой углублялась в мшистую перину, пока не достигла твердой поверхности. Вытащив глиняный черепок, бросился, как одержимый, разрывать мох то в одном, то в другом месте. Набив карманы находками, вдруг заметил внутри очерченного мшистым валом круга прямоугольники. Они выделялись более темным, а значит, более поздним мхом и едва заметной обваловкой, разорванной с одной стороны, так что получалось что-то вроде входа.

Он уже ничему не удивлялся. Он точно знал: здесь жили люди! И все, что ему сейчас нужно, это еще одно, хотя бы одно доказательство. Отодрав внутри четырехугольников мох и ничего не обнаружив, вдруг наткнулся на уголь. Очаг! В левом, дальнем от входа углу этого жилища был расположен очаг, который поддерживал в нем жизнь, может быть, сотни лет.

...Университетский археолог попросил схематически изобразить найденное место. Долганов взял листок, нарисовал круг, в котором обозначил несколько углублений, рядом реку и приписал: «Очень крутой берег». Разгребая заповедные мхи в поисках ушедшей цивилизации, не знал он, что сотню лет назад примерно в тех же местах таежного Обь-Иртышья работал ученый-сибиревед Серафим Керопович Патканов и кроме керамики собирал образцы средневекового фольклора. В 1897–1900 годах в Санкт-Петербурге вышли два тома его фундаментального труда «Иртышские остяки и их народная поэзия» на немецком языке, и книга эта до сих пор остается единственной изданной в нашей стране работой такого рода.

...Кандидат исторических наук Сергей Кокшаров познакомился с сочинением Патканова, работая в «Ленинке» лет десять назад, если не больше. Пожалев о том, что нет времени взяться за перевод с немецкого, ограничился тем, что сделал микрофильм хантыйской легенды о богатырях Эмдера, изложенной в приложении, к счастью на русском языке. И стал единственным тогда в Екатеринбурге обладателем уникального материала, еще не предполагая всех последствий своего приобретения.

Нельзя сказать, что Кокшаров очень уж увлекался фольклором. Но какой археолог не мечтает найти первоисточник, чтобы, не ссылаясь ни на какие научные авторитеты, начать с нуля и самостоятельно пройти всю цепочку исследований и доказательств? Хантыйское сказание о княжестве Западной Сибири – не подсказка ли это, что и где следует искать?

Как только появилась возможность, Кокшаров снарядил группу и отправился в низовья реки Ендырь («обрусевшей» Эмдер). Задачу на первый раз поставили скромную: посмотреть наличие археологических памятников на малоисследованном левобережье Оби. Угадали в половодье. Посреди залитого вешними водами Ендырского шора виднелись островки коренных берегов, с которых и собрали кое-какой материал – в основном керамику, свидетельствующую о пребывании здесь человека. Но, увы, ничего похожего на следы городков, подобных тому, в котором происходило действие хантыйской легенды, не обнаружили. Было очевидно, что поиски требуют продолжения. Но где?

– Вот вам наводка, – сказал университетский коллега и царским жестом протянул Кокшарову листок Долганова, на котором, кроме самодельного чертежа, стояли его адрес и телефон.

Студенты исторического факультета УрГУ на раскопках городка Эмдер. Лето 2001 г.

Крайний слева – заместитель начальника экспедиции А. Зыков.

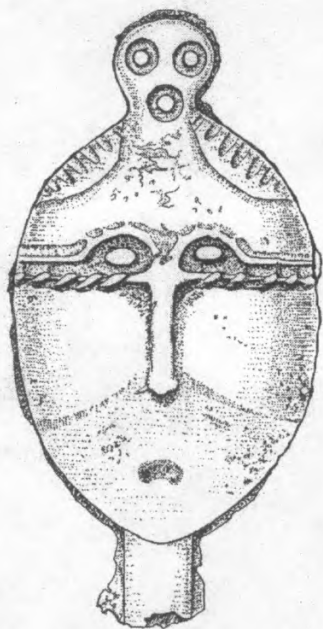
Фото начальника экспедиции С. Кокшарова

Долганов согласился ехать не раздумывая. Неисправимого романтика, участника многих рискованных экспедиций (покорение Памира на собачьих упряжках с его участием внесено в Книгу рекордов Гиннеса) захватила идея передвижения не столько по тверди земной – уж этим-то его не удивишь! – сколько во времени: из прошлого в настоящее.

Как и следовало ожидать, проводником Долганов оказался незаменимым. Одной-единственной недели, которую смогли выкроить исследователи на эту экспедицию (сезон был уже забит под завязку) явно бы не хватило, не веда он их одному ему известными тропами прямехонько к нужным местам, так что археологам оставалось только зарисовать объект и составить план местности. Поэтому, несмотря на свою краткость, поисковая экспедиция оказалась весьма успешной. Самое большое городище из всех осмотренных наметили для раскопок. Зыков с Кокшаровым были почти уверены, что это и есть некогда воспетый Эмдер, в котором кипели подлинно средневековые страсти с набегами, похищениями и убийствами.

Копать начали через год. Темная, почти черная тайга нехотя отступала, освобождая площадку для будущих работ. Кедр, пихта, ель, лиственницы. Далеко внизу, в берегах каньона, – река Ендырь. Типично уральский пейзаж, хоть и на сибирской земле. Звери рядом ходят. В первый же сезон отправились на поиски машины, вовремя не доставившей в лагерь хлеб, и увидели медведя.

Кандидат исторических наук, доцент пединститута Юрий Петрович Чемякин с группой студентов принимал участие в раскопках летом 1994 года.

Антропоморфная личина
в шлеме-полумаске
(белая бронза)

крошка и древесная труха не начинали «говорить». И сделали то, что, по мнению Ю. П. Чемякина, никому до них сделать в лаборатории не удалось.

А если к тому же прибавить, что в лагере у «тандема» царит обычно деловая и доброжелательная атмосфера, когда противоположная точка зрения не вызывает никакого раздражения, а бывает, что делается поводом для маленького научного совета в полевых условиях, то остается сделать вывод: перед нами не только профессионалы высокого уровня, но и люди широкого кругозора. «Строгий, но справедливый» Кокшаров и более мягкий, «домашний» Зыков.

Отряд уехал, а они еще оставались в лагере. Карабкаясь по лесенкам, зарисовывали профили, тщательно фиксируя все детали, делая описания, прекрасно сознавая всю недолговечность того, что, освобожденное от груза столетий, остается под открытым небом. Дело, однако, не только и не столько в том, что потревоженный памятник разрушается быстрее. Просто тогда, в первый эмдерский сезон, они еще многого не представляли, продвигались ощупью, как бы вслепую, держась за любую подробность, словно за путеводную нить. И на всякий случай зарисовывали огромное количество древесных остатков – авось пригодится. Это позднее, когда придет знание материала и внутренняя свобода, включится интуиция, появится способность предвидеть, прогнозировать, по какой-то части восстанавливать целое. Когда приходишь на объект и с нетерпением, как следующей серии захватывающего кино, ждешь продолжения того, что было

обнаружено год назад, но ушло в стены раскопа... Бывают, правда, сюрпризы: предполагаешь одно, а появляется совсем другое. Таким сюрпризом, например, было открытие, что между бревенчатой крепостной стеной городища и стенами стоящих внутри домов не было никакого зазора – они представляли как бы единое целое.

Первый сезон окончательно убедил: это действительно Эмдер. Город, в котором жили пятеро былинных богатырей: «Богатырь, раздробивший долго сушенное конское бедро», «Богатырь, носящий кольчугу с сотней торчащих рожков», «Богатырь, носящий звенящую кольчугу из блестящих колец», «Богатырь с остроконечным мечом» и «Косатый Яг, избранный из числа 80 богатырей».

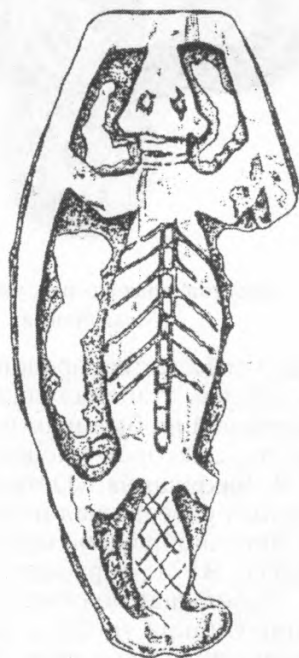
Начиная раскопки, выделили три культурных слоя – все остальные были в этом месте снесены. Второй сезон дал девять культурных горизонтов, а к моменту окончания работ, на которые ушло в общей сложности семь лет, их стало десять. Теперь можно было с уверенностью сказать, что городище возникло в XII веке и просуществовало до середины XVI.

Копали, однако, не только поселение. Три сезона исследовали могильники, по времени соответствующие его поздним слоям, и обитель смерти позволила полнее представить подробности жизни.

Что же представлял собой легендарный Эмдер? Он стоял на высоком берегу, продуваемый всеми ветрами, окруженный пространством, хорошо просматриваемым и простреливаемым, и двойной линией бревенчатых стен. За 500 лет существования крепость перестраивалась и совершенствовалась. Со временем в одну из стен встроили проходную башню, от нее через городок проложили широкую мостовую, сложенную из больших тесаных плах. Жители занимались кузнечным, бронзолитейным, косторезным, кожевенным ремеслами, ткачеством. Сравнительно высокого уровня достигло плотницкое и строительное дело. Серебряные и бронзовые украшения, бусы и зеркала, позолоченные пуговицы, остатки шерстяной ткани, найденные во время раскопок, позволяют говорить о контактах с ближними и дальними соседями, в том числе Золотой Ордой и ханствами, возникшими после ее распада.

Но самой замечательной («самой неожиданной», – уточнил С. Кокшаров) находкой были не украшения и прочие диковины цивилизации, а... каменные топоры и стрелы эпохи неолита, неизвестно, как и для чего попавшие в дома XIV–XVI столетий.

Между тем первым, кто подбросил ученым эту загадку еще до начала эмдерских экспедиций, был старик манси из деревни на Северной Сосьве. Прямо в центре села они брали «подъемку» – в основном керамику. Старик, давно уже наблюдавший за

Изображение бобра
(белая бронза)

действиями двух «очкариков», увидев в руках Алексея Зыкова каменный наконечник, объяснил, что это «громовая стрела». Она выходит на поверхность через семь лет после удара грома и молнии и тому, кто ее найдет, приносит счастье. Не утерпел, похвастался и своей находкой – длинным и тонким каменным топором: «Клаткий (гладкий), как глина!».

О том, что у этого случайного разговора будет продолжение, археологи не предполагали. Но первый каменный топор, попавшийся на раскопках городища, поставил в тупик. А когда встретились второй, третий, четвертый, то стало ясно, что это не случайность. Очевидно, эмдерцы, так же, как и старик манси, придавали древним наконечникам мистическое значение, считали их оберегами. Подсказка нашлась все в той же былине о богатырях, герои которой, заручившись божественной помощью, посылали «в виде грома каменные стрелы» на головы своих врагов. Но почему и по сей день считается, что «громовые стрелы» приносят счастье?

Очевидно, что и в Средневековье, и сегодня человек считает счастьем победу справедливости. Увы, любой ценой. Тема эта, кстати, дала Сергею Кокшарову повод для отдельного исследования.

Но главным оставался Эмдер. Удивительно, как этот таежный край и его средневековая цивилизация в разное время притягивали разных ученых, и они по цепочке передавали его тому, кто до конца разгадает вековую тайну. Публикация уже упоминавшегося исследователя Серафима Патканова, заинтересовавшая в свое время Сергея Кокшарова, привлекла на рубеже XIX–XX веков внимание другого Сергея – молодого Бахрушина. Выпускник Московского университета, ученик Ключевского, он увлекался материалами героического

Крестовидная бляшка, украшение
(белая бронза)

эпоса сибирских народов, опубликованными С. К. Паткановым в журнале «Живая старина» еще в 1891 году («Стародавняя жизнь остяков и их богатырей по былинам и сказаниям»). Результатом этого увлечения стала работа, с которой специалисты связывают расцвет научной деятельности С. В. Бахрушина, «Остяцкие и вогульские княжества в XVII–XVIII вв.». Ученый работал над ней в Семипалатинской ссылке, куда пришел этапом из Новосибирска по сфабрикованному в 1930 году делу о монархическом центре. В 1935-м работа была опубликована.

Небольшая по объему, она доказывала, что к моменту русской колонизации Сибири уровень социальной организации таежного населения был сравнительно высоким. В своих документах русские даже называли городки аборигенов и их самих «княжествами» и «княжатами», что никак не вязалось с представлениями о дикарях, облагодетельствованных «старшим братом», как это пыталась представить советская историография. Не

удивительно, что работа Бахрушина была подвергнута резкой критике, после чего ссылаться на него стало неприлично, поддерживать его взгляды долгие годы было не принято.

Но Алексей Зыков и Сергей Кокшаров считают эту работу для себя ключевой.

– Ученый и его противники, – объясняет Алексей Зыков, – просто разговаривали на разных языках. Бахрушин-историк базировался на исторических источниках, а опровергали его в основном этнографы, имеющие дело со сведениями, фиксирующими общество хантов и манси конца XVIII, периода XIX–XX веков. То есть общество, уже деградировавшее за годы русского освоения.

Втянувшись в научный спор вековой давности, уральские ученые в качестве аргумента решили привлечь еще один источник, благо до них не использованный, – раскопки городища. Если о богатстве и великолепии сибирской знати наука уже знала из материалов захоронений позднего Средневековья, то городище как центр, достигший определенного уровня развития и выполняющий экономические, культурные и административно-политические функции, археологами еще не исследовался. Заполнить этот пробел – значит сказать свое, может быть последнее, слово в давнем споре. Что и было сделано. В результате получилась яркая археологическая иллюстрация к выводам Бахрушина. Правда, подтверждая одно, уральцы одновременно опровергают другое – его отношение к литературному источнику как документу, не имеющему исторической значимости. Дело в том, что юношеское увлечение Бахрушина эпосом с годами поблекло. Позднее он писал, что «доверчивое отношение к фольклорному... наследию приводило и приводит нередко исследователей к ошибочным выводам». Впрочем, по мере овладения марксистской теорией ученый пересмотрел многие свои взгляды. А в том, что касается фольклора, его опровергла былина о богатырях Эмдера. Она выдержала экзамен на достоверность и хотя бы отчасти реабилитировала эпос как партнера науки в поисках истины.

Поиски истины Сергей Кокшаров и Алексей Зыков считают своим историческим долгом перед потомками древнего народа ханты-манси, испокон веков проживающего на территории Сибири. В Смутное время, когда Россия, остро нуждаясь в финансовых вливаниях, обратила свой взгляд на восток и присоединила Сибирь, этот народ отдал ей свой золотой запас – пушнину, что помогло стране выстоять...

Окончательные выводы эмдерских экспедиций еще впереди. Пока ясно только одно: городища Западной Сибири – таинственная, неизведанная страна. Археологи сделали по ней только первый шаг, лишь слегка приподняв завесу времени, и сколько он принес сюрпризов! А путь и далек, и долог... К работе подключились биологи, антропологи, филологи. Сами же первопроходцы берут тайм-аут. Перевести дыхание, осмыслить, обобщить собранный материал, поработать над комментариями, которые, вполне возможно, составят отдельную книгу.

...А инженер-геофизик Виктор Долганов вернулся из очередной поездки.

– Эти находки все во мне перевернули! Вы были на Севере? – допытывался по телефону. – Нет? Тогда вам будет трудно это представить: сплошные болота, марь, увалы... Я захожу за увал и чую, что там люди жили! Нюхом чую...